

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

К. А. Юдина на диссертацию Никифорова Юрия Сергеевича «Области Верхней Волги в системе отношений “регион-центр”: институты, направления и форматы взаимодействия» (1953–1985 гг.)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история

Актуальность диссертационного исследования, представленного Ю.С. Никифоровым, не вызывает никаких сомнений. С первых страниц становится очевидно, что в работе успешно решается крупная научная проблема, заключающаяся в установлении качества и степени эффективности функционирования системы «регион-центр» на материалах репрезентативных административно-территориальных структур – областей Верхнего Поволжья. Необходимость, обоснованность и своевременность обращения к данным сюжетам происходит из незавершенности осмысления как на теоретико-методологическом уровне, так и на эмпирическом, особенностей трансформации социально-интеллектуальной, идейно-мировоззренческой идентичности и поведенческих моделей советской партийно-государственной номенклатуры в условиях десталинизации и становления социокультурного пространства «позднего социализма». Рецепция исторически сложившегося управленческого опыта востребована и в ходе современной модернизации современного процесса, стратегий обновления и контроля над коммуникативно-информационными траекториями развития, ресурсным обеспечением, исполнением своих функций региональной властно-политической элитой.

В этом отношении работа обладает **новизной**, выражающейся в грамотной постановке и адекватной релевантной формулировке *суммы вопросов*, выступающих атрибуцией – аспектизацией предмета исследования, направленного на выявление факторов реализации советской региональной политики и ее различных сегментов, прояснение степени административно-политической автономии «номенклатурного социума» с учетом исторической динамики типов руководства – от сталинского «жесткого стиля» до «компромиссного брежневского стиля» (С. 36).

Разработана авторская периодизация истории взаимоотношений областей Верхней Волги с центром через локальную и общегосударственную оптику восприятия, горизонтальные и вертикальные сети, установлена специфика языка коммуникации, формировавшегося в ходе «лоббистских практик», опыта формальных и неформальных контактов между руководящими работниками внутри и за пределами кабинетно-аппаратной обстановки.

Осуществлена оригинальная при эффективном совмещении центральной и региональной перспектив как основной «концептуальной оптики» (С. 480) типологизация секретарей обкомов, выделены следующие «таксономии» на основе

1) уровня укорененности 2) «карьерной траектории» 3) критерия «личного стиля управления»: «привозные секретари», «столичные кадры», «местные кадры»; «выдвиженцы 1930-х гг.», «кризисные управляющие», «надежные кадры», «региональные политические долгожители», «феномен политических долгожителей», «руководители с нисходящей или восходящей карьерной траекторией»; секретари с авторитарным стилем, компромиссным и либеральным стилем (С. 34, 362–365).

Достоинством диссертационного исследования можно считать **выход на новый гносеологический и историографический уровень**. Это выражается в синтезе классической методологии и междисциплинарных парадигм при интерпретации исторической действительности, в частности – применении институционального, неинституционального, сетевого подходов, биографических срезов для репрезентации социальной памяти, приверженности методологическим традициям интеллектуальной истории», в рамках которой обозначен важный фокус-вектор – «пространственный», «спатильный» повороты» (С. 4, 15). Особенно ценным для историко-политологического прогнозирования выступают разделы или текстовые фрагменты, посвященные обоснованию понятийно-категориального аппарата, прояснению дискуссионности терминов, исторических метафор, ассоциативного ряда на предмет их «потенциала корректности», пределов экстраполяции, обусловленного различием отечественных и зарубежных (советологических) дискурсивных конвенций. Все это позволяет говорить о высокой **теоретической и практической значимости** диссертационного исследования.

Полностью обоснованными можно считать выбранные географические, хронологические рамки исследования, которые позволяют достигнуть поставленной цели по реконструкции модели функционирования власти в СССР на уровне «регион-центр», предполагающей детализацию условий, практик, механизмов взаимодействия региона с центром. Таковыми являются 1953 г., ставший, не только внутри- или геополитическим рубежом для советской истории, но онтологическим и для всего мира, и 1985 г., запустивший перестроечные процессы. Это касается и территориальных границ, очерченных областями Верхнего Поволжья, обладающих несомненной и прочной социально-экономической и культурно-исторической общностью.

Достоверность научных положений диссертации верифицируется привлечением внушительной источниковой базы. Автором изучен широкий пласт неопубликованных (архивных данных), в числе которых присутствуют материалы 9 архивов: 4 федеральных – Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ); 5 региональных – Государственный архив Владимирской области (ГАВО),

Государственный архив Ивановской области (ГАИО), Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО), Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНΙΑО). Ю.С. Никифоровым привлечены официальные документы, нормативно-правовые акты высших органов государственной и партийной власти; делопроизводственные материалы партийных и советских органов, министерств и ведомств, организаций и учреждений центрального и регионального уровней; статистические материалы, характеризующие развитие экономики и социальной сферы СССР; справочно-биографические издания / историко-биографические справочники. Присутствует анализ кинодокументов, составляющих восьмую группу источников, а также в качестве вспомогательных материалов рассмотрены произведения художественной литературы (С. 28–33).

Впечатляют масштабы **апробации** различных аспектов диссертационного исследования, которые отражены в 30 научных трудах, опубликованных в рецензируемых и весьма авторитетных научных изданиях («Российская история», «Вопросы истории», «Диалог со временем», «Вестник архивиста», входящих в Перечень ВАК. Опубликована монография, а также специализированное учебное пособие, посвященное анализу интервью региональной элиты. Следует обратить внимание на авторский стиль, заинтересованную иммерсивность / погружение в эпоху, что просматривается в заголовках статей, приводящихся в автореферате, содержащих колоритные фразеологемы, цитаты из источников, свидетельствующие о глубоком понимании автором сути изучаемой проблемы. **Все это позволяет говорить о существенном личном вкладе соискателя.**

Вполне продуманной выступает архитектура исследования. Оно состоит из традиционных компонентов – введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, библиографического списка, приложений, описание которых полностью приводится в оглавлении. **Во введении** присутствуют все необходимые компоненты – актуальность, новизна, цели, задачи исследования, теоретическая и практическая значимость, источниковедческий и историографический разделы, положения, выносимые на защиту.

Первая глава является полностью теоретической и включает в себя параграфы, в которых в развернутом виде присутствует обзор степени изученности проблемы, источниковедческий анализ, а также обоснования теоретико-методологической парадигмы. Автором выделяются крупные историографические блоки (региональной политики как целостного феномена, исследованиям союзных республик в составе СССР, отдельных регионов в составе РСФСР, работы по регионам Верхней Волги, в том числе локальные (С. 61,64, 65,67) – внутренние рубрикаторы, позволяющие классифицировать работы отечественных и зарубежных историков одновременно и на основе предметной области, междисциплинарного ракурса, и с учетом хронологической специализации.

Вторая глава обращена к проблеме эволюции региональной политики центра, экспликации сложившихся политико-идеологических традиций и специфики «экономического профиля», исследуются факторы и ресурсный потенциал региональной политики в соответствии с хронологической демаркацией – в 1950-х – середине 1960-х, 1965–1985 гг. соответственно. Автором раскрываются негативные последствия феномена «политического долгожительства», проистекающего из брежневского великодушия, «доверия к кадрам» (С. 197, 198), при этом обращается внимание и на конструктивные и обоснованные стратегии регионального руководства, тяготение к самодостаточности, проявлявшейся в «желании первых секретарей обкома сохранить и увеличить ресурсный потенциал своего региона» (С. 245). В качестве властно-политических инструментов указываются адресные постановления в отношении тех или иных областей, вместе с «шефской помощью» способствовавшие реализации программами регионального развития – «Продовольственной программой», «Программой мелиорации» (228–229, 233, 235). Сделаны выводы о сформировавшихся административных технологиях в системе «регион-центр», связанных с коммуникативными практиками, когда, как верно отмечает автор, «области Верхней Волги Области Верхней Волги были активными участниками реализации социальной политики» (С. 222). На репрезентативных примерах показаны диспропорции, связанные с привилегированным положением региональной партийной номенклатуры, неравенством «по линии столица-провинция» как в плане доступа к ресурсам, так и расстановки приоритетов, обусловленных доминированием столицы, «гипертрофированным ростом» ее бюрократического, логистического влияния (С. 226).

Третья глава посвящена изучению структурно-функциональному облику «партийной вертикали» – системы организации власти, ее анатомического строения, выражающегося в иерархии партийных комитетов и соответствующих их уровню должностному и персональному составу основной и учетно-контрольной номенклатуры (С. 247). Автором последовательно рассматриваются все ведущие звенья регионального аппарата – сценарии, обстоятельства назначения и компетенции секретарей обкома КПСС как ключевого института, изучается динамика административного функционала облисполкома (С. 278). В частности, подчеркивается, что «к середине 1980-х гг. происходит «размывание» полномочий второго секретаря в сфере управления промышленностью: перераспределение части функций «второго» среди других секретарей обкома» (С. 256). Важно отметить, что в ходе анализа оказываются задействованы не только разнообразные источники, информация из которых подвергается сравнению и верификации, но и непосредственно «работают» и приложения к диссертационному исследованию (С. 257), что тоже говорит о грамотном и тщательном аналитическом подходе и уровне.

Безусловно, для воспроизводства регионального портрета – образов руководителей разных звеньев – особую ценность приобретают собранные автором интервью и привлеченная мемуарная литература, которая свидетельствует о формировании определенной властно-политической идентичности секретарей обкома, осознававших, что они являются главными игроками на «шахматной доске» (С. 253, 281), но вынуждены мириться с «чужаками на «букву “м”» (по приводимому выражению первого секретаря Ивановского обкома КПСС В.Г. Ключева) из облисполкома, роль которого как регионального органа власти, как обоснованно считает Ю.Н. Никифоров, «нельзя преуменьшать». После обстоятельного изучения персональных характеристик, карьерных траекторий, представленных во втором параграфе, диссертант переходит к изучению партийно-хозяйственного актива Верхневолжских областей (С. 349).

В *четвертой главе* исследуются коммуникативные практики региональной власти и иные форматы взаимодействия, феномены регионального лоббизма, а также «письма во власть», также выступающие важным и информативным источником о ситуации в регионе, что убедительно доказывается диссертантом. «Исходя из анализа писем, – пишет Ю.С. Никифоров, – можно сделать вывод, что руководители многих предприятий региона систематически злоупотребляли служебным положением, расхищая народную собственность, склоняли к преступным действиям рабочих» (С. 473). Дается тщательно аргументированная классификация коммуникативных практик, которые «имели институциональное и персональное измерение, а также определенный иерархический порядок» (С. 476). В качестве форматов межрегионального взаимодействия выделяются: социалистическое соревнование, производственная кооперация, взаимовыгодные поставки ресурсов, шефская помощь, визиты региональных лидеров в регионы-партнеры» (С. 478).

В заключении подводятся итоги исследования, в полной мере отражающие полученные, в соответствии с поставленными целями и задачами, результаты.

При этом следует указать на некоторые **дискуссионные моменты, вопросы**, которые, естественно, вызывает работа такого уровня.

1. **Замечания общего порядка.** Можно обратить внимание на перегруженность, дублировании отдельных компонентов теоретических разделов – историографических и источниковедческих, присутствующих и во введении, и в первой главе диссертации. Вполне понятен эвристический энтузиазм автора, стремящегося показать значимость того или иного обнаруженного впервые или подвергнутого тщательной экспертизе архивного документа, содержащего значимую информацию об исследуемой проблеме, но в целом методика источниковедческого анализа организационно-распорядительной документации уже сформировалась, поэтому чрезмерно расширять внутреннюю критику источников не всегда было целесообразно. Это признает и сам автор,

отмечая, что «*типичными* были информации по массово-политической работе: разъяснения материалов съезда КПСС, обсуждение постановления пленума ЦК КПСС и /или тезисов доклада лидера СССР, выступлений советских руководителей на международных площадках» (С. 95). При этом не лишним было бы конкретизировать специфику «субъективного восприятия исторической действительности» (С. 116) респондентами из числа представителей региональной партийной, комсомольской номенклатуры, которые, очевидно, в той или иной степени, были склонны к солидарности ревизионистской историографии, архаичному мышлению, идеолого-пропагандистским паттернам, без которых вряд ли возможно сохранение ими идентичности как «государственников» даже после утраты власти.

2. *Историографические проблемы.*

А) Несмотря на предельно фундированный уровень осведомленности о степени изученности проблемы, иногда создается впечатление о чрезмерной увлеченности созданием библиографическо-просопографического «портрета», когда педантичная классификация и систематизация работ, генерализация вклада предшественников, вытесняет воспроизведение *концептуальных интерпретаций*. Объемные цитаты присутствуют в основном из тех трудов, которые признаются в качестве однозначных историографических, политологических и методологических ориентиров исследований. Иным же авторам не очень часто дается «право голоса», что отчасти компенсируется только на «утилитарно»-вспомогательном уровне в основном тексте (С. 237, 254, 277, 349 и др.). Например, выводы к параграфу по историографии (1.1.) содержат критику исследователя Г.В. Башкирова: «Несмотря на стремление автора к объективности, Башкирову, как представляется, не удалось полностью избежать субъективизма» (С. 70). Но не приводится никакой дословной и полновесной иллюстрации из статьи, чтобы можно было понять, чем субъективизм обусловлен – эмоциональным пристрастием или недостоверностью фактов. При этом сам соискатель демонстрирует склонность к образным оценкам: «В 1963–1965 гг. феноменом хрущевского периода стал укрупненный Верхневолжский совнархоз как особая структура в коммуникации с центром и «*яблоко раздора*» в *квартете межрегионального взаимодействия*» (С. 241). Этого хотелось бы «услышать» и у других исследователей. Например, на с. 282 диссертант *справедливо* соглашается с мнением коллег, что «Комитет народного контроля играл заметную роль в 1954–1964 г.», но как это ими концептуально оценивается не показывается.

В региональной историографии в рамках интеллигентоведческих исследований встречается концепт «хождения во власть», что также применимо к онтологической траектории представителей верхневолжской номенклатуры (Черноперов В.Л., Усманов С.М., Буданова И.А. Российские интеллигенты и

европейские интеллектуалы XX века: особенности взаимодействия с обществом и властью // Интеллигенция и мир. 2015. № 4. С. 12).

Б) Выделяя в качестве точки бифуркации для областей Верхнего Поволжья 1974 г., что выражалось в «попадании региона в центр внимания центральных постановлений», под «Программу развития Нечерноземья», например, «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» от 20 марта 1974 г. (С. 228), автор ссылается только на статьи Л.И. Горизонтова. Между тем, есть и иные новейшие исследования, например, А.И. Шевелькова (См.: *Шевельков А.И.* Документы федеральных архивов об истории формирования аграрной политики государства в Нечерноземной зоне РСФСР // Проблемы аграрной истории. Материалы VI Всероссийской научной конференции (памяти профессора В.М. Важинского): к 80-летию Победы. Липецк: ЛГПУ им. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 149-154). В одной из его последних публикаций присутствует не только обстоятельный анализ аграрной реформы, но и информация об участии Л.Я. Флорентьева в обсуждении проблем развития сельского хозяйства, предшествовавшее принятию постановления, уже как профильного министра (сельского хозяйства) РСФСР, чья карьера, тем самым, пошла по восходящей линии и интегрировала в себя и региональный, и центральный опыт.

В) Несколько удивляет, что в библиографии отсутствуют труды таких известных исследователей советской системы политического контроля, цензуры, их социокультурных истоков, генезиса, как С.А. Красильников, Т.М. Горяева, В.С. Измозик, Е.А. Осокина, в которых имеются важные для изучения технологий и механизмов власти, унаследованных и в постсталинский период, концепты и понятия о социальной мобилизации, социальном иммунитете региональной партийной номенклатуры от давления со стороны центра с помощью нужных стратегий критики /самокритики на партийных собраниях и иных «форумах». Все это могло быть полезным для диссертационного исследования.

3. **Источниковая база и методология.** Несмотря на то, что культурная политика, имагологический ракурс не является объектом и предметом исследования, перечень фильмографии в составе аудиовизуальных источников можно было расширить. Превосходная сатира на аппаратно-бюрократический абсурд была отражена в таких колоритных кинопроизведениях, как: «Шофер поневоле» (СССР, 1958, реж. Н. Кошеверова), «Карнавальная ночь» (СССР, 1956, реж. Э. Рязанов), «Безумный день» (СССР, 1956, реж. А. Тютышкин), «Старый знакомый» (СССР, 1969, реж. И. Ильинский, А. Кальцатый), «Женех с того света» (СССР, 1958, реж. Л. Гайдай), «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (СССР, 1964, реж. Э. Климов), «Дайте жалобную книгу» (СССР, 1965, реж. Э. Рязанов), «Черт с портфелем» (СССР, 1966, реж. В. Герасимов) и мн. др.

Много ярких образов представителей партийно-хозяйственного актива, поведенческие модели которых изучаются в третьем параграфе третьей главы, создал А.И. Райкин как в отдельных миниатюрах, так и воспроизведенных в художественных фильмах – «Мы с Вами где-то встречались» (СССР, 1954, реж. Н. Досталь, А. Тутышкин), «Люди и манекены» (СССР, 1974–1975 гг., реж. А. Райкин, В. Храмов). Все это могло бы обогатить, «оживить» исследование, и, таким образом, как признает сам диссертант, «дополнить социально-психологический портрет корпуса советских директоров важными характеристиками морально-нравственного плана, демонстрирующими декларируемую норму и отклонения от нее» (С. 355).

4. В качестве пожелания хотелось бы отметить, чтобы из диссертации чуть больше можно было узнать, как выразился известный персонаж х/ф «Москва слезам не верит» (СССР, 1979, реж. В. Меньшов), «а что в мире вообще делается», то есть о геополитическом и идеологическом дискурсах и их влиянии на коммуникацию в «номенклатурном социуме». На с. 395 приводятся интересные сведения, отклики трудящихся на события международной жизни, оценки американской политики, Д. Эйзенхауэра, но даже здесь, как ни странно, не упоминается о «холодной войне».
5. Наконец, как и во всех объемных работах, созданных на волне вдохновения, увлеченности, диссертационное исследование не лишено некоторых технических недостатков, стилистических погрешностей, например: «повседневная жизнь в провинции, нельзя не сказать о его восприятии современниками» (С. 169). Не все архивные дела, на которые ссылается диссертант, приведены в библиографическом списке, иногда отсутствует указание листов (С. 219, 220, 392). Например, нет дела ГАИО. Ф. П. 327. Оп. 13. Д. 415, хотя на с. 392 оно встречается и без ссылки на лист, а также – тот же фонд, оп. 14. Д. 946, в котором содержится важный для выводов по главе документ – рукописное поручение первого секретаря Ивановского обкома КПСС В.Г. Ключева (С. 239); нет дела Ф. П. 327. Оп. 13. Д. 787, также выступающего основным для освещения региональных, ивановских лоббистских практик (С. 453–457).

В то же время, высказанные суждения, замечания носят лишь **рекомендательно-рефлективный характер**, поэтому ни в коей мере не умаляют предельно положительного впечатления от диссертационного исследования, выполненного на высоком, профессиональном научно-аналитическом уровне. Оно стало закономерным итогом многолетних фундаментальных изысканий автора, которые вносят значительный вклад не только в разработку, детализацию выбранной проблематики, но и обладают огромной ценностью для развития мировой исторической науки в целом. Это объясняется новаторским подходом к репрезентации анатомии партийно-государственной власти в СССР.

Автореферат диссертации в полной мере отражает содержание работы, соответствующей специальности 5.6.1. – Отечественная история. Диссертационное исследование полностью отвечает требованиям, предъявляемым ВАК РФ к докторским диссертациям, соответствует пп. 9-14 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Автор диссертации – **Никифоров Юрий Сергеевич** – несомненно, *как никто другой*, заслуживает присуждения ему учёной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Официальный оппонент:

Доктор исторических наук
(специальность 5.6.1. – Отечественная история),
доцент, профессор кафедры истории и культурологии
Гуманитарного института Ивановского государственного
химико-технологического университета

К.А. Юдин

« 5 » марта 2026 г.

Юдин Кирилл Александрович

Почтовый адрес: 153000, г. Иваново, Шереметевский проспект, 27.

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет» (ИГХТУ), Гуманитарный институт

Официальный сайт: <https://www.isuct.ru/>

Раб. тел.: 8(4932) 30-04-84.

E-mail: hum-inst@isuct.ru; hist@isuct.ru

Подпись профессора Юдина К.А. заверяю

проректор по науке и инновациям

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
химико-технологический университет» (ИГХТУ)

доктор химических наук, доцент

А.А. Гушин